

Те домыслы и насмешки в адрес мисс Уилсон были не строчками из книг, не выдумками из газет — они происходили наяву, прямо рядом с ней, с человеком, которого она уважала.

Знает ли об этом мисс Уилсон?

Каждый день она вовремя приходила в поместье Лонгборн, входила в кабинет и вела уроки тем же ровным, лишённым всяких эмоций голосом. На её лице никогда не было лишних выражений — казалось, вся суэта и злоба этого мира были ей абсолютно чужды.

Знает ли она, какими взглядами провожают её мужчины и крестьяне, когда она проходит через Меритон или возвращается по тропинке в поместье Лонгборн? Знает ли, с какими омерзительными намерениями они обсуждают её и строят свои грязные домыслы?

Небо темнело всё сильнее. Свинцовые тучи тяжело нависли над горизонтом, придавливая до слёз просторы лонгборнских полей. Издалека докатился глухой раскат грома — не резкий взрыв, а медленный, поднимающийся из самых недр земли. Подобно проспавшему сотню лет исполину, он издавал протяжный и низкий рокот, зародившийся где-то между землей и тучами. Каждая такая дрожь безмолвно предвещала, что на них без всякого предупреждения обрушится свирепая буря.

Воздух стал душным и липким, в груди от него оседала влажная тяжесть.

Мэри медленно поднялась с травы. Движения её были легки и неторопливы — словно в этом тихом мире пряталось какое-то пугливое создание, и она боялась одним неверным жестом или шагом навсегда разрушить хрупкую безмятежность.

Она легонько отряхнула с подола прилипшие травинки и комки земли. Её пальцы снова и снова скользили по грубой ткани с настойчивостью, граничащей с упрямством.

К платью прицепилось несколько репёв, запутавшись в нитях. Не выказывая ни капли раздражения, она аккуратно, по одному, отлепила их, зажала крошечные колючие плоды кончиками пальцев и тихонько бросила обратно на землю.

На её маленьком лице не отразилось ни единой эмоции.

Ни обиды, ни печали, ни гнева — даже той растерянности, что подобает ребёнку.

Лишь на самом дне её глаз затаилась несвойственная годам тяжесть — словно бездонный омут, тихий и невероятно угрюмый.

Она повернулась и направилась в сторону поместья Лонгборн.

Узкая тропинка наполовину заросла сорняками. Дикая трава по обе стороны поникла под натиском удушливо-знойного воздуха, листья её поникли и утратили прежнюю свежесть. Шагать по ней было мягко, и каждый шаг отдавался тихим, шуршащим звуком, который казался оглушительным в этой давящей тишине. Мэри шла медленно, шаг за шагом, не ускоряя ходу и не выказывая нетерпения — казалось, само тяжёлое небо сковало её ноги.

На сердце у неё лежало бремя.

То, о чём она не смела говорить, о чём не должна была говорить, но что уже едва помещалось в её душе.

Когда она подошла к чёрному входу в сад, наконец хлынул дождь.

Это был не мелкий морсящий дождик, а стремительный предвестник ливня. Крупные тяжёлые капли со стуком падали на землю, в грязь, выбивая мимолётные миниатюрные фонтанчики брызг; они барабанили по листьям сплошным и звонким стуком, словно по крыше рассыпали мелкую гальку; они падали ей на волосы, на лицо и на шею, обжигая холодом. В одно мгновение они смыли с кожи изнуряющий зной, но при этом лишь добавили пробирающего до костей холода на дно её и без того отяжелевшего сердца.

Вода заструилась по прядям со лба, проникая под воротник и стекая по коже.

Мэри ускорила шаги.

Она толкнула облезлую деревянную калитку сада — та издала тихий скрип. Девочка побежала по влажному газону, и капли с травинки тут же намочили подол, холодно прилипнув к ногам. Она едва ли не влетела в дом. В тот самый миг, когда дверь захлопнулась, шум дождя остался в каком-то ином мире, зато её одежда уже насквозь промокла, облепив тело, отчего стало донельзя зябко и противно.

В доме стояла абсолютная тишина.

У лестницы стояла мисс Уилсон.

В руках она держала толстую книгу в твёрдом переплёте. Страницы слегка шевелились от сквозняка, пробивавшегося сквозь щёлку в окне, но порядок в них не нарушался. Она выглядела всё так же: неизменно собранная, неизменно безмятежная, окружённая аурой строгой неприступности. Лёгкая отчуждённость залегла между её бровями, словно природная вуаль, мягко отделявшая её от этого шумного и суетливого семейства.

Увидев промокшую до нитки Мэри, с чьих волос капала вода, гувернантка лишь едва заметно повела бровом. Ни удивления, ни упрёка — её голос по-прежнему звучал ровно, как гладь глубокого водоёма, не выдавая ни малой лишней эмоции.

— Мисс Мэри, — произнесла она негромко, но её слова отчетливо прорезали шум ливня за окном. — Скоро начнётся гроза, почему вы до сих пор были на улице? Вы же промокли насквозь.

Мэри замерла.

Шаги оборвались прямо у подножия лестницы.

Сквозь промокшую одежду вода продолжала капать с её кончиков волос, с щёк, с подбородка, ударяясь о чистый полированный пол — кап, кап, — расплываясь крошечными лужицами. Девочка подняла голову и посмотрела на мисс Уилсон, стоявшую на ступеньках. На это лицо она глядела бессчётное количество дней и ночей: гувернантка никогда не смеялась, никогда не плакала, не выказывала чрезмерной радости и не давала выхода подавленной обиде.

Но на этом вечно спокойном лице, на дне тех всегда равнодушных глаз Мэри отчетливо увидела нечто иное.

Тончайший намёк на заботу — едва заметную, почти тщательно упрятанную.

Эта капля нежности пряталась так глубоко, так бережно, словно стоило кому-то заметить её, как она тут же исчезла бы.

Про себя Мэри мысленно дала этому моменту название.

Та самая улыбка.

Эту тайну она носила в сердце ровно три дня.

В первый день она не смела смотреть на мисс Уилсон.

Во время урока она всё время прятала глаза, уставившись на кончик собственного пера, на пустые строчки бумаги, но не могла написать ни единого слова, ни строчки прочесть. В голове царил полный кавардак — там крутились лишь подслушанные за кустами обрывки разговоров. Эти грубые, грязные, полные злобы слова жужжали в её сознании назойливыми мухами, отчего в висках стучало, а сердце сжималось от тоски.

Она не смела поднять взгляд, не смела взглянуть на преподавательский стол.

Мэри боялась, что в ту же секунду её глаза выдадут всю её растерянность, неловкость и эту неукротимую, чужую обиду, переходящую в гнев.

На второй день она принялась исподтишка наблюдать за мисс Уилсон.

Смотрела на её спину, когда та стояла у окна — осанка всегда прямая, как нестигаемое деревце; следила за стройными и чистыми пальцами, перелистывающими страницы с мягкой уверенностью; ловила её случайные взгляды, обращённые в окно — в них всегда стоял покой, словно в безветренном озере: глубоком, но без единой ряби.

Мэри с упрямством пыталась вычитать хоть что-то на глади этого озера.

Гнев, обиду, боль, малейший след нанесённой раны.

Но не находила ничего.

Всё те же светлые глаза, всё то же спокойствие, всё тот же вид, будто ничего не произошло.

На третий день после уроков Джейн и Элизабет ушли первыми.

Они двигались легко и непринужденно, звонко смеясь, словно две беззаботные птички, и быстро скрылись в конце коридора. В комнате стихло, остались только Мэри и мисс Уилсон.

Мэри медленно собирала свои вещи.

Она не спеша укладывала перо в пенал, аккуратно складывала разрозненные листки один к одному, задвигала стул под стол — каждое движение было нарочито замедленным, словно она пыталась оттянуть время, словно надеялась, что этот момент никогда не кончится.

Ей хотелось заговорить, но она не смела.

Хотелось о чём-то спросить, но она не знала, с чего начать.

Мисс Уилсон стояла у окна спиной к ней, молча глядя на лужайку, окрашенную заходящим солнцем в мягкий золотистый цвет. Её фигура казалась хрупкой, но неизменно прямой, будто она с давних пор привыкла стоять на ветру в одиночестве.

— Мисс Мэри.

Та неожиданно заговорила ровным голосом, не поворачиваясь.

Сердце Мэри испуганно ёкнуло.

— Вам есть что сказать.

Это не было вопросом.

Это было твёрдое утверждение.

Рука Мэри замерла, пальцы уплёрлись в край книги.

— Я... — она разлепила губы, в горле пересохло, и голос звучал тихо, как жужжание комара, почти растворяясь в воздухе. — Я...

Она не могла выдать из себя ни единой связной фразы.

Мисс Уилсон медленно обернулась.

Лучи заката падали как раз из окна у неё за спиной, очерчивая мягким сиянием её силуэт, в то время как большую часть её лица скрывала лёгкая тень. Выражение было не разобрать, видны были лишь по-прежнему невозмутимые глаза.

— Вы наблюдаете за мной уже три дня, — её тон оставался бесстрастным. — Как маленькая кошечка, которая хочет подойти, но не решается. Говорите.

Кошечка.

Эти два слова канули в душу Мэри, отзываясь одновременно нежностью и щемящей болью.

Мэри сжала книгу в руках так сильно, что костяшки пальцев побелели, а на ладонях выступил холодный пот.

Те слова — грубые, отвратительные, грязные, липкие, застрявшие в её голове гнилой жижей, — разве могла она повторить их? Как она посмела бы принести подобную мерзость к мисс Уилсон? Как могла заставить такого чистого, такого достойного уважения человека вновь выслушивать те полные злобы домыслы?

Ей было жаль гувернантку.

И невыносимо больно.

Но в то же время она отчётливо понимала: если промолчать, если держать всё в себе, эти слова превратятся в тяжёлый камень, который придавит ей грудь, лишит дыхания и отнимет покой по ночам.

— Я в тот день... — наконец выговорила Мэри, опуская голову всё ниже и уставившись на носки собственных туфель, на прилипшие к ним комочки грязи. — Возле кустов... слышала, как разговаривали двое крестьян.

Мисс Уилсон не шевельнулась, не перебила её — она просто молча стояла, ожидая продолжения.

— Они... они говорили... — голос Мэри слегка дрогнул, словно трепещущий на ветру лист. — О вас... О вас и об отце...

Слова застряли в горле, жгучие и болезненные, и произнести их вслух оказалось выше её сил.

Мэри думала, что мисс Уилсон станет допытываться, испугается или удивится.

Но в тот самый миг, когда она замолчала, она заметила, как брови гувернантки едва-едва дрогнули — лишь на мгновение, так быстро, что это можно было принять за обман зрения, а после лицо вновь обрело привычную безмятежность.

Словно она и так всё знала.

— О том, что у меня порочная связь с мистером Беннетом.

Мисс Уилсон договорила за неё.

Её голос звучал ровно, беспристрастно — так говорят о погоде, так естественно и безмятежно рассуждают о том, что сегодня дует сильный ветер или только что перестал дождь.

Мэри резко вскинула голову.

Её глаза широко распахнулись.

Мисс Уилсон смотрела на неё всё с тем же спокойствием — без испуга, без смущения, без гнева.

Затем уголки её губ еле заметно, едва уловимо дрогнули.

Мэри впервые увидела её улыбку.

Улыбка была такой слабой, словно в чашу с чистой водой случайно упала капля молока — её почти невозможно разглядеть, она мгновенно растворилась в уголках глаз и бровей. Но Мэри увидела её отчётливо, ясно. В этой улыбке не было ни гнева, ни обиды, ни неловкости, и даже капли удивления в ней не нашлось.

Лишь то, чего она тогда не могла понять, но что навсегда врезалось ей в память.

Покой.

Облегчение.

И капля пронзительной, почти сострадательной нежности.

— Знаете, почему они так говорят? — тихо спросила мисс Уилсон.

Мэри растерянно покачала головой.

— Потому что я — незамужняя женщина.

Мисс Уилсон медленно повернулась и снова посмотрела в окно. Её голос звучал мягко и чётко, как упавший на воду лист.

— Незамужняя женщина, которая покинула родной дом, оставила близких и отправилась обучать чужих детей — в глазах таких людей это уже само по себе преступление.

Она сделала паузу, сохраняя прежнюю ровность в голосе, будто рассказывала чужую историю.

— Им не понять, почему женщина может не полагаться на мужа, на семью, на мужчину. Им не постичь, что женщина способна собственным умом, своими руками и своей волей твёрдо стоять на ногах. Поэтому они непременно должны придумать для меня бесчестное оправдание — грязное, укладывающееся в рамки их убогого воображения.

— Только так им становится легче.

— Ведь то, чего они не в силах объяснить, они непременно пытаются запакать.

Мэри стояла за её спиной, крепко сжимая книгу в руках, не смея шевельнуться, даже дыхание своё затаив.

— Я с самого начала знала, что так будет, — голос мисс Уилсон по-прежнему звучал с той пронзительной тишиной, от которой щемило сердце. — С того самого дня, как дала объявление в газету. С того дня, когда решила покинуть родные места и зарабатывать на жизнь самостоятельно, я была готова ко всему этому.

— Сплетни, предрассудки, домыслы, злоба... Всё это я видела и к этому давно привыкла.

Она слегка повернула голову и снова бросила взгляд на Мэри.

Улыбка всё ещё таилась на её губах.

Всё такая же слабая, лёгкая и недоступная для понимания.

— Вам не о чем беспокоиться, мисс Мэри, — мягко произнесла она. — Меня эти слова не ранят.

Не ранят.

Всего четыре простых слова, но они вонзились в сердце Мэри острой тонкой иглой.

В ту ночь в Лонгборне воцарилась тишина, нарушаемая лишь доносящимся с улицы стрекотанием цикад и шелестом ветра.

Мэри лежала в постели с открытыми глазами, неподвижно глядя на полог над головой.

Лунная светлая струйка проникала в комнату — мягкая, холодная, она рисовала на белой ткани причудливые колеблющиеся тени.

И в этих световых бликах то и дело возникала улыбка мисс Уилсон, мягко покачиваясь из

стороны в сторону.

Такая слабая улыбка.

Такая невесомая.

Будто её обладательнице не было никакого дела до всего происходящего, будто ничто не задевало её душу.

А с другой стороны — казалось, будто в ней было скрыто абсолютно всё. Спрятано слишком, слишком глубоко.

Мэри вдруг вспомнила фразу, прочитанную в прошлой жизни в сети:

У взрослых улыбок много лиц, и одна из них называется всё в порядке.

Была ли улыбка мисс Уилсон именно такой?

Неужели это когда на сердце черным-черно от ран, но всё равно приходится чуть улыбнуться и сказать всем вокруг: со мной всё хорошо, мне не больно, мне всё равно?

Или... всё было куда сложнее и горше?

Она тихонько перевернулась на другой бок, зарыв лицо в мягкую подушку.

Те слова тех крестьян — она слышала их всего однажды, но носила в себе целых три дня. Стоило только вспомнить, как внутри всё переворачивалось от омерзения, тоски и чужой боли.

А мисс Уилсон?

Сколько лет она это слышала?

С того дня, как впервые переступила порог чужого дома в качестве гувернантки?

С того дня, как решила не выходить замуж и ни от кого не зависеть?

Или ещё раньше, в те времена, которые Мэри даже вообразить была не в силах?

Сколько же раз нужно столкнуться с подобной безосновательной злобой, сколько грязи стерпеть, через сколько ночей одиночества и непонимания пройти, чтобы вырастить на лице эту еле заметную улыбку?

Чтобы, слыша самую грязную клевету, по-прежнему с безмятежным видом завершать чужие фразы и легко улыбаться, говоря:

Эти слова меня не ранят.

Мэри закрыла глаза.

Она вдруг отчётливо поняла: этот мир глубже, мрачнее и холоднее, чем ей казалось прежде.

Все эти красивые платья, изящные кружева, шумные балы, учтивые беседы джентльменов и

леди, всё то, что казалось столь прекрасным и благопристойным при дневном свете — всё это была лишь тонкая сахарная глазурь, готовая расколоться от малейшего прикосновения.

А под глазурью крылась горькая, суровая, леденящая душу реальность.

Там жила слепая злоба по отношению к независимой женщине, грязные домыслы о чистой душе и самая дешёвая клевета, с помощью которой большинство прикрывало собственное невежество и убогость.

Мисс Уилсон каждый день носила простое серое платье, тихо выходила из своей комнаты, входила в кабинет и вела уроки у окна. Её спина неизменно оставалась прямой, голос ровным, а на лице никогда не появлялось лишних эмоций.

Все считали её холодной, суровой и неприступной.

Но сегодня Мэри увидела правду.

Она разглядела то, что пряталось под этой маской беспристрастности.

Увидела стойкость, скрытую за внешним спокойствием, нежность под покровом равнодушия и чистую, незапятнанную, непобеждённую душу, закалённую бесчисленными ударами чужой злобы.

Ту самую улыбку.

Едва заметную, словно мираж, но при этом до боли сложную — такую, от которой хотелось плакать, но слёзы не шли.

Осенью года, когда ей исполнилось девять лет, Мэри впервые по-настоящему узнала, что такое вспыхнувший в душе гнев.

Это было не то мелкое раздражение, когда они с младшими сёстрами делили лакомства, и не та досада, когда мать мимоходом критиковала её внешность. Гнев этот был тяжёлым и раскалённым, словно кусок раскалённого железа, застрявший в груди: его нельзя было ни выплюнуть, ни проглотить, и каждый вздох отдавался жгучей болью.

В тот день после полудня отец вызвал Джейн и Элизабет в свой кабинет.

Когда они вернулись, глаза у Джейн были красными и влажными; Элизабет же плотно сжала губы и, не сказав ни слова, молча ушла к себе.

Мэри преградила путь Джейн:

— Что случилось?

Джейн посмотрела на неё, приоткрыла рот, но так и не смогла вымолвить ни слова.

В конце концов из-за приоткрытой двери выглянула Элизабет, бросив коротко и сухо:

— Мисс Уилсон уходит. Отец говорит... в семье финансовые трудности, мы больше не можем её содержать.

Мэри застыла на месте, в первые секунды не в силах осознать вес этих слов.

Уходит?

Мисс Уилсон?

Та самая женщина, что каждое утро ровно в назначенный час входила в кабинет? Та, что стояла у окна с прямой, негибкой спиной? Та, что однажды, отвечая на её вопрос чем стихи отличаются от романов, тихо написала на листе: Облака в небе, грязь под ногами, а ты стоишь между ними?

Уходит?

Финансовые трудности?

Мэри прекрасно понимала значение этого слова.

Она знала, что ежегодный доход мистера Беннета составлял две тысячи фунтов, чего вполне хватало на безбедную жизнь семьи в деревне; она знала, что матушка по-прежнему регулярно радовалась новым шляпкам и платьям; она знала и то, что на их обеденном столе никогда не переводилось мясо, а платья Китти и Лидии ни разу не были короче положенного.

В следующее мгновение она развернулась и бросилась к кабинету.

Дверь была приоткрыта.

Мэри не стала стучать и толкнула её воню.

Мистер Беннет сидел за письменным столом, держа в руках книгу, и поднял на неё глаза. Он вовсе не рассердился на её бесцеремонное вторжение и не выказал никакого удивления — лишь спокойно посмотрел на неё, словно давным-давно ожидал этого момента.

— Отец, — Мэри остановилась на пороге, и бушевавшее в груди пламя жгло её горло. — Мисс Уилсон уходит?

— Да.

— Почему?

— Разве старшие сестры тебе не сказали? — мистер Беннет закрыл книгу. — У семьи финансовые трудности, мы больше не можем содержать гувернантку.

<http://bllate.org/book/22034/2290812>